

A dramatic image of a volleyball hitting a net. The ball is white with yellow panels and is surrounded by bright orange and yellow flames. Several white lightning bolts strike the net and the ball. The background is dark and textured.

12+

А.Грин

ВОЛЕЙБОЛ

Анна Грин

Волейбол

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65684358

SelfPub; 2021

Аннотация

Иногда они возвращаются. Те, кого мы хотим увидеть, и те, кого не хотим. Те, перед которыми чувствуем вину, и те, которых обвиняем в чём-то. Перекинуть свою вину на другого всегда готов каждый. Поиск виноватого превращается в спорт.

Содержание

Подача	4
Блок	7
Доводка	9
Свеча	12
Морита	14
Диг	17
Стопка	20
Дужка	22
Откидка	24
Мельница	27
Очко	29

Анна Грин

Волейбол

Подача

Свисток. Правой рукой судья указал на шестую зону, а левую вытянул в сторону гостей. Подача соперника. Гусев сжал зубы и выругался про себя – он был уверен, что мяч уйдёт в аут, даже дал сигнал Щагину, чтобы тот принимать не пытался. Но судья решил, что мяч остался в поле. Ошибка связующего стоила им одного очка, а Гусева бесили ошибки, особенно свои собственные. Им итак весь сет приходится грызть пол зубами, и, если доигровщики ещё кое-как держатся, то либеро буквально валится с ног. Маленький и круглый, Щагин не мог претендовать ни на какую другую роль, кроме либеро, вот и носился по площадке, сам словно мячик-человечек, принимая одну подачу гостей за другой. Если в ближайшее время они не переломят ход игры и не перейдут в нападение, сдуется сначала Щагин, а затем вся команда.

Снова свисток. Обжигающее обвинение с той стороны планером полетело к сетке. Гусев понадеялся было, что не перелетит, но опять ошибся. Антенны засветились, пространство между ними потекло и разорвалось, пропуская атаку. Волейбольный мяч, чудом не зацепив сетку, словно

через силу преодолел её и сразу же рухнул вниз. Взять планер прямо под сеткой – высший пилотаж, и Пименов его выполнил. Кое-как, но всё же сделал доводку, и даже в сторону Гусева. Сойдет. Не отрывая взгляда от летящего мяча, связующий на ходу решал, кому отдать пас. Михееву? Удобней всего, к тому же гвозди тот вбивает стабильно. Но весь матч он ведёт себя как пришибленный. Глаза прячет, губы кусает, двигается, как буратино, которому папа Карло забыл колени сделать. Чуть ли не руки дрожат. Нет, Михееву нельзя, он *видит*. Гусев дал сигнал Якушеву и краем глаза успел увидеть, как тот пошёл на взлёт. Дождавшись, когда соперники заметят диагонального и начнут выстраивать блок, он отправил пас Васильчикову, и тот сориентировался мгновенно. Удар – и мяч перелетает через сетку, жёлтым горячим шаром впечатываясь в пол на той стороне. Свисток. Отыграли подачу, наконец-то. Уже поменяв позицию, Гусев понял, что в первую зону смещаться как-раз Михееву.

– Только попробуй просрать мяч, – шикнул Гусев на него.

Михеев искренне зло зыркнул в сторону связующего, развернулся и, ничего не сказав, отправился подавать.

Старательно не глядя вперёд, а только в пол, он долго делал дриблинг. Каждый в команде понимал, что начинать вытягивать партию надо прямо сейчас, иначе Гусев их потом в порошок сотрёт. Свисток. Правую руку судья согнул в локте, разрешая подачу в сторону гостей. У Михеева всего восемь секунд, чтобы всё сделать правильно. Под строгим над-

зором с высоты судейской вышки, под одобряющие крики болельщиков на трибунах, под прицелом десятков камер он подбросил мяч вверх, начиная силовую подачу...

Сколько лет, словно навесной хрустальный мост, судья соединял два мира, уже никто и не помнил.

Блок

Платье цвета солнца, уставшего от лета, ревниво закрывает грудь. Пытается спутать подолом длинные ноги, но танцующую походку спрятать не может. Девушка как будто светится изнутри. Вторгается искоркой в серость буднего дня, затмевая собой всех вокруг. Невесомая, она словно летит над тающим от жары городским тротуаром – белым пёрышком, солнечным лучиком, лёгким облаком над вечно недовольным миром.

Сергей любит открыто и беззастенчиво. Хорошо, что за тонированными стёклами его не видно. Девушка перелетает через улицу и вот-вот упорхнёт в парк. Мужчина не может заставить себя уехать, он паркуется как можно ближе, только чтобы видеть её. Солнечный лучик гуляет с подругами, болтает, смеётся, ест мороженое. Вот они устраиваются на скамейке напротив фонтана, а тот блестящими брызгами так и норовит дотянуться до неё. Хочет прикоснуться к её красоте, осветить своей радугой. Хрупкий колокольчик залихватским смехом отвечает нахальным каплям.

Две из трёх подруг, наконец, уходят по своим делам. Сергей делает глубокий вдох, успокаивая колотящееся сердце, выходит из машины, громко захлопнув дверь. Вдруг лучик в жёлтом обернётся? Помощь коня представительского класса была бы кстати... И всё же звук тонет среди тысяч дру-

гих резких нот огромного города. Девушка слышит только журчание фонтана, щебет птиц и голоса подруг. Но мужчина отступать не станет. Шаг за шагом, упорно, настойчиво, он преодолевает страшное расстояние, приближаясь к скамейке. Лучик замечает его только тогда, когда он нагло усаживается рядом, поправив подол её платья. Чем он хуже капли?

– Девушка, я вот уже битый час не могу придумать повод, чтобы с вами познакомиться. На работу давно опоздал. Давайте обойдёмся без этих формальностей? Меня Сергей зовут, а вас?

Чуть дрогнувшей рукой наглец протягивает лучику визитку. Девушка ёжится и краснеет, коротко смотрит на него, но всё-таки берёт кусок дизайнерского картона. Крутит между пальцами, не читая, и тихо отвечает:

– Катя...

Доводка

Гусев пришёл в волейбол поздно. В таком возрасте обычно играют в любительском клубе по вечерам, но толковый тактик быстро сумел доказать, что его место в настоящем бою. Немолодым связующим и в профессиональной команде никого не удивишь – всё контролировать, быстро решать и грамотно пасовать уметь надо. А мозг обычными тренировками не накачаешь, тут или опыт за плечами огромный, или соображаловка от природы.

– Слушай, Гусев, – стягивая тайтсы, Пименов решил, что сейчас самое время вновь попытаться наладить отношения в команде, – ты кого чаешь увидеть на той стороне?

Громкий хлопок дверцы шкафчика был ему ответом. Другого, впрочем, от связующего и не ждали. Обычно он уходил молча, не принимая никакого участия в жизни команды, кроме тренировок и «боёв», но в этот раз всё же остановился у самой двери и едва разборчиво пробурчал:

– Никого.

– Да ладно, – Пименов, кажется, обрадовался даже такому ответу, – все знают, что если никакой связи нет, то игра вообще не начнётся. Соперник не явится.

Команда в полном составе попрятала глаза, начав срочно укладывать свои вещи, излишне старательно разглаживая каждую складочку. Если бы в раздевалке оказался уют, к

нему бы наверняка выстроилась очередь. Включая тех, кто этим бытовым прибором пользовался так часто, что даже не знал, с какой стороны он нагревается. Но Гусев не был бы Гусевым, если бы его можно было так легко подловить.

– Хрень.

– То есть ты хочешь сказать, что пришёл в лигу из любви к волейболу? – Спортивный характер Пименова тоже не признавал слова «сдаться».

Шагин и Васильчиков прыснули, Якушев исподлобья уставился на Гусева, и только Михеев остался равнодушен к разговору, продолжая созерцать шнурки на своих кроссовках. С тех пор как он пробил эйс, счёт начал выравниваться, позволив им соскочить. Хотя победа, кажется, мучила его даже больше, чем сама игра. Как будто он не считал себя заслуживающим прощения. Пименов пожалел, что не взял с собой подаренный женой коньяк, но дежурная бутылка водки у него в ящике точно была.

– Из сострадания, – Гусев обернулся и карикатурно улыбнулся, обнажив безупречно белые зубы, – вы задолбали на дне турнирной таблицы висеть. Надо же было кому-то начать вас тащить.

Пименов хмыкнул. Якушев опустил глаза. Шагин с Васильчиковым вернулись к усердному укладыванию вещей. Михеев не отреагировал – шнурки не отпускали. Спорить с Гусевым было бессмысленно. С его появлением команда действительно начала ползти вверх по таблице, медленно, но

неотвратимо приближаясь к лидеру лиги – команде Мексики. Вот только когда тебя тянут за волосы вверх – это больно, даже если тем самым из болота спасают.

Свеча

– Серёжа...

Тёплое облачко прижимается, обволакивает. Просыпаться совсем не хочется, хочется лежать вот так, на животе, под тяжестью женских рук, под мягкостью груди, забыв обо всём. Вселенная существует только здесь и сейчас – вот она, накрытая одеялом, подсвеченная нежностью, пахнущая лавандой и Катей.

– Серёж...

Ласковые пальчики щекотят затылок. Промямлив что-то бархатно-сонное, Сергей поворачивается к жене и даже открывает один глаз.

– Что, Лучик? Пора вставать?

Катя улыбается, украшая мир, лукаво щурится, кивает. Длинные русые волосы рассыпаются по подушке, добавляя сходства с солнышком, распустившим нарисованные детской рукой лучи.

– Вечером на концерт придёшь?

Танцы для Кати – всё. Жизнь, воздух, душа, любовь. Она танцует так самоотверженно и беззаветно, как будто каждое выступление для неё – главное, последнее, и нельзя не выложиться до конца. Нужно, должно успеть рассказать за пару минут всё. Выразить целый мир, все эмоции, переживания, чувства. Заставить восхищаться, любоваться, плакать даже

самого искушённого зрителя в зале. Всё её существо переполнено танцами настолько, что Сергей удивляется, как же ему вообще удалось отвоевать для себя хоть немного места? Уместиться в Катином сердце где-то между па и антре. Или как их там...

– Угу... – Сергей для убедительности кивает, – разгону всех с совещания к чертям собачьим и приду.

– Ну, Серёж... – Катя обиженно надувает губки, – ты же знаешь, как для меня это важно.

Нарочито капризные губы заставляют его открыть второй глаз. Если она ещё и потянется так, как умеет, по-кошачьи, то ни о чём другом он уже думать не сможет. И совещанию точно придёт конец. А то и целому рабочему дню.

Как будто прочитав его мысли, Катя начинает тянуться.

– Пе-рвое выступление на конкурсе. К нему я столько лет шла...

Да ладно, в конце концов, директор он или нет? Начальство не опаздывает, оно задерживается.

Разговаривать дальше становится несколько проблематично. Кажется, ему надо сказать Кате что-то важное и очень срочно.

Не сейчас.

Морита

Это был очень простой мяч. Совершенно детский, медленно и предсказуемо летящий, бери – не хочу. И Щагин не взял. Какого чёрта?

Гусев пригляделся. На той стороне, в зоне подачи, стояла какая-то старуха. Сухая и сморщенная, как выжатый лимон, в идиотском беретике на седых волосах, собранных, по случаю игры, в тощий белый пучок. Обернулся на Щагина. Тот вёл себя как дерево: двигался невпопад, руками размахивал, что-то шептал под нос.... Как будто одной полноты мало, чтобы не походить на волейболиста от слова совсем. Дав сигнал судье о тайм-ауте, Гусев подошёл к Щагину и на ходу, без замаха, заехал ему в челюсть.

– Слабак! – Не сказал, а выплюнул связующий, – от старухи мяч не смог взять!

Щагин шмыгнул и разревелся.

– Я не виноват! Это... это... это... бабушка...

Призракам не нужны ни скорость, ни техника, ни физические данные, чтобы играть. Сила и сложность подачи зависит от степени вины, которую испытывает перед мёртвым соперником живой игрок. От степени обиды, с которой ушёл на ту сторону умерший. Настоящих волейболистов в лиге призраков ждут с распростёртыми объятиями – хорошая техника и физическая подготовка дают большую фору. Но решающим

фактором для приёма в команду всегда была связь с потусторонним миром. Именно она дала место в лиге таким спортсменам, как толстый, но шустрый Щагин, медлительный, но с мощным ударом Якушев, не слишком техничный Васильчиков или поздно пришедший в волейбол Гусев. Воротилы от бизнеса зарабатывали миллиарды, снимая и показывая матчи, в которых игроки боролись за очки не друг с другом, а с призраками прошлого, чужого или своего. Последнее было особенно интересно – букмекеры принимали ставки буквально на каждую подачу, а не только на сам факт, будет ли в команде соперника «свой» призрак. И сейчас Щагин своей истерикой отработывал миллионы просмотров, лайков и гонораров.

– Соберись! – Гусев сделал замах, но бить не стал, со злым удовлетворением наблюдая, как съёжился напуганный либеро, – это всего лишь мёртвая старуха! А ты живой, взрослый мужик!

Щагин посмотрел на связующего так, как будто впервые увидел. Будь это профессиональная лига, Гусев бы просто отправил либеро на скамейку, поставив вместо него второго блокирующего, и они спокойно играли бы дальше по классической схеме пять-один. Но в этой игре были свои расстановки, только шесть человек и никаких замен. Вокруг собралась вся команда, и надо было срочно что-то решать.

– Чего уставились? – Гусев накинулся на остальных, – заборы ставим! Там половина игроков – ручные! Поджигаем

шнурки, зачехляем, атакуем волнами!

Пименов покачал головой, но ничего не сказал. Развернулся вместе с другими и вернулся в свою зону. Только Шагин остался на месте – он сегодня не игрок. Насчёт тактики связующий скорее всего прав, а насчёт остального... Играть против незнакомых белёсых фантомов, отрабатывая чужие ошибки, отбиваясь от неведомых обвинений, – ещё куда ни шло. Но когда соперник буквально выводит из игры одного из живых, а бывает, что и двух, и заменить их нельзя... А ведь чем выше рейтинг команды, тем больше вероятность встретить среди гостей кого-то из «своих».

Свисток. Жёлтый светящийся шар планером полетел к сетке.

Диг

Катя танцует. Нет, не так – она заполняет всю сцену, разрезает её, ураганом закручивает вокруг воздух, свет прожекторов, внимание зрителей. Каждую молекулу, каждый атом, волну, частицу. Словно маг, она создаёт целый мир, погружает в него, влюбляет, а затем разрушает. Заставляет чувствовать всё: любопытство, восхищение, радость, гнев, печаль, скорбь. Поджигает, раздувает, тушит, замораживает, уничтожает, возрождает и влюбляет снова. Отдавая себя целиком, она живёт здесь, только здесь и только сейчас.

Сергей сидит за одним столом с остальными членами жюри. Почётное место для спонсора, всего лишь дань уважения к его фирме, и только. На судьбу конкурсантов он не влияет, и не хочет этого – просто не нашёл другого способа вырваться с работы. Недопоставки, претензии, совещания, встречи. Недавно он выбил из отдела маркетинга программу по поддержке талантов, убедил, что имя фирмы, связанное с меценатством, станет лучшей рекламой. И всё только для того, чтобы порадовать Катю, заслужить её улыбку, благодарный поцелуй. Он ведь совсем не разбирается в танцах: для него что вальс, что шаффл – на одно лицо. И сколько бы девушка ни пыталась его учить, показывать непохожие движения, совсем разный ритм, единственное, что смог понять Сергей: некоторые танцуются в паре, а некоторые – нет.

И всё же он нашёл выход, как перестать чувствовать себя совсем уж чужим на этом торжестве искусства. Сколько бы ни говорилось о голодных художниках – деньги нужны всем. Особенно фестивалям и конкурсам. Хорошо, что у него своя фирма. Прекрасно, что можно прикрыться спонсорскими делами и свалить от всех дел к своей Кате. Полюбоваться ею на сцене, поймать завистливые взгляды, и восхищённые тоже. Он немного ревнует её к этой жизни, к сцене, к этим взглядам, но мирится, а как же иначе?

Приходится ставить оценки. Так, для прикрытия, ведь он не разбирается в танцах, он просто спонсор, балласт за столом. Обычно он срисовывает оценку кого-то из соседей или ставит нечто среднее, для маскировки. И вот, Катя закончила выступление, но в целом свете не найдётся сухих цифр, достойных его драгоценного Лучика. Только взгляды жюри отчего-то сердиты, они медлят с оценками, словно чего-то ждут. Смотрят искоса, упрекающе. Конечно, он хочет ей победы, разве это запрещено? Но нет, он не станет ни на кого давить, хоть он и спонсор.

Он мог бы поставить ей не только высший балл, а собрать все звёзды с неба. Разве может что-то значить простое число? Её талант пробьется и так, ведь даже Сергею он очевиден. Он тянет руку к экрану и ставит «один», и теперь никто не сможет обвинить его в предвзятости. Он не видит, как удивлённо кривятся, взлетая, брови соседей, как один за другим, каждый из них, занижает следом и свою оценку то-

же.

Пока не видит.

Стопка

Всхлипывания в раздевалке никак не прекращались. Пименов влил в Щагина уже полбутылки, но чем больше водки оказывалось в добродушном пухляше, тем длинней и бессвязней становилась его история.

– А я так злился на неё, так злился! Ну вечно же не вовремя звонит! Каждый день! И болтай с ней три часа о какой-то фигне!

Васильчиков успокаивающе похлопывал либеро по плечу. Якушев сидел с другой стороны, теребя снятый с одной ноги наколенник и молча слушая. Михеев стоял над ними, опёршись на шкафчик, время от времени кивал и прикладывался к бутылке. Пименов руководил процессом, задавая наводящие вопросы и следя за уровнем водки в крови каждого.

– Ну вы же знаете этих стариков! – продолжал Щагин, – это покажи, то Расскажи, это купи, то почини, здесь помоги, девушку найди, на выходные приедь... а у меня своя жизнь!

И только Гусев спокойно переодевался в дальнем углу.

– Я её постоянно сбрасывал! Сбрасываю – а она звонит! Я говорю: я занят, – а она опять звонит! Я снова сбрасываю!

Собрав вещи, Гусев хлопнул дверью шкафчика и быстрым шагом отправился на выход, мимо пьяного сборища уставших игроков.

– А потом номер незнакомый какой-то... я говорю алло...

а мне говорят... говорят... нашли... три дня дома лежала... мёртвая...

Невнятная речь с жалобными всхлипываниями перешла в пьяные слёзы.

– Ревёшь, как баба, – бросил на ходу Гусев.

Что-то больно врезалось в плечо. Это Пименов перегородил дорогу. Наклонился, сверля глазами, почти в упор.

– Какое же ты дерьмо, Гусев.... – тихо, но чётко прошипел он. – Связующий от Бога, а как человек – дерьмо.

Словесная подача попала в блок. Тот даже бровью не повёл, только посмотрел на помеху снизу вверх. Но так, как будто это он был выше. И правее.

– Да ну? – хмыкнул Гусев, сузив серые глаза. – Я что, один за деньги играю? Всем платят. И тебе, и Щагину. Так чего истерить? Здесь раздевалка, трибуны со зрителями остались там.

Связующий указал в сторону площадки, и, в полной тишине, не замечая тяжести пяти пар глаз, вышел, захлопнув за собой дверь.

Дужка

Дома так темно и тихо, что Сергей решает – Катя ещё не пришла. Не включая ламп, кроме одной, устало стягивает ботинки, кидает в угол, проходит на кухню. Ставит на стол бокал, поворачивается к графину, и вздрагивает: у открытого окна спиной к нему неподвижно стоит тусклая тень.

– Лучик? – Растерянно говорит он. – Что ты... Я думал, ты ещё там.

Штора, тронутая ветром, кажется живее женской фигуры рядом. Тикают часы на стене – их подарила тёща на свадьбу. Слишком громкие, с глупыми вычурными вензелями, совсем не вписываются в интерьер, но не обидишь же Катину маму. Глядя в черноту ночи, покрытую россыпью ярких точек чужих окон и уличных фонарей, жена произносит:

– Конкурс закончился.

Всё так же, стоя спиной к нему. Не голос – шелест, отчуждённый, глухой.

– Разве? Первый тур только... – слова застревают, как чёрствый сухарь. Что-то не так.

Почти пирует. Яростный, резкий, но всё же танцующий разворот. Сначала кажется, что её глаза светятся, но это горящая в коридоре лампа отразилась в слезах.

– Первый тур! И последний! Как ты мог?!

Тонкой женской рукой гнев сметает бокал со стола. Тот

извергается осколками, столкнувшись с плиткой на полу.

– Мог что? – злится Сергей. – Я там был! Ты хотела, чтобы я пришёл, и я нашёл способ!

– Один балл! Как ты мог поставить один балл из десяти? Думал, я не узнаю, кто меня засудил?

Место в жюри для спонсора. Он забыл сказать Кате, посоветоваться. Можно было не приезжать, справились бы и без него, но другого повода выбраться с работы не нашлось.

– А сколько я должен был поставить? Десять? Чтобы все решили, что я купил своей жене этот конкурс?

– Зато теперь все решили, что твоя жена – неудачница, которую муж хочет запереть дома! Из первого тура вылетают только школьницы-неумёхи, ты мог поставить хотя бы два! Два! Два... два... два... из десяти... этого бы хва...тило...

Последние слова не разобрать – они захлёбываются, тонут в слезах. Катя закрывает лицо руками и падает на колени, в осколки.

– Кать... ну прости... я не знал... не подумал, что вообще повлияю... – Сергей пытается её поднять, прижать к себе, удержать содрогающиеся от рыданий плечи. – Это всего лишь дурацкий конкурс, будут другие... ну, Кать...

Тикают часы, от слёз мокнет рубашка, от крови – платье и пол.

Не всё получается простить.

Откидка

Пименов никогда не спорил с Гусевым. В спорте, как и в бою, хороший солдат не станет возражать своему командиру, потому что знает: это прямой путь к поражению. И неважно, кто прав, а кто нет, важен сам факт. Что бы ни случилось, как бы ни был с ним не согласен – молчи и выполняй приказы, а там время покажет. С плохого командира, приведшего своих людей к провалу, всегда найдётся, кому спросить. Зато победителя, каким бы он ни был, не судят.

Блокирующий прекрасно знал своё амплуа, как и то, что слово, жест или знак связующего на площадке – закон. Хотя не раз и не два ему хотелось врезать тому по морде. Но каждый раз он терпел и исполнял, ожидая конца матча. За которым обычно следовала победа и становилось не до разборок. Потому что выходило, что Гусев прав. Нужно относиться к жёлтому шару как к простому мячу. А к тому, кто его отправил – как к спортсмену. Не думать о том, почему этот призыв появился на площадке, кто мог причинить ему такую боль. Что именно он хочет сказать, вернуть с того света назад, к людям. Пименов и сам старался абстрагироваться во время игры от соперников, не рассматривать их, не пытаться понять. Получалось не всегда, это и было главной сложностью в их особенном волейболе.

– Гусев, погоди! – Пименов догнал его уже довольно да-

леко, на улице. – Извини, я погорячился.

Связующий остановился, но отвечать не стал. Опустил голову и уставился куда-то вниз, себе под ноги. Как будто сухой пожелтевший лист под кроссовкой показался ему самой интересной вещью на свете.

– Я понимаю твою позицию, – продолжил Пименов, – нельзя расслабляться, позволять эмоциям брать вверх, иначе грош нам цена как спортсменам. Бойцам фронта живых, – усмехнулся блокирующий. – Но и ты пойми. Все мы люди, и все через это проходим. Рано или поздно, обязательно. И со мной было когда-то. Давеча – с Михеевым. Теперь вот Щагин.... Он вообще не из спорта, не тот характер, так что ему тяжелее других. Нельзя же так с людьми. Нужно помочь, поддержать. Выслушать хотя бы. Но не бить же!

Пименов попытался заглянуть в глаза Гусеву, но тот слишком хорошо их прятал. Они у него, вообще, какого цвета? Столько вместе играют, а он даже не знает.

– Многие не выдерживают, – надежда была ещё жива, плескалась где-то в карих глазах блокирующего, – иначе бы состав команды не менялся годами. Очень уж хорошо платят. – Широкие скулы Пименова снова двинулись, попытавшись изобразить усмешку, но вышло чересчур наиграно.

Блокирующий замолчал, ожидая ответа. Хоть какого-нибудь.

– Ничего ты не понимаешь, – глухо сказал Гусев и двинулся вперёд. Сухой лист под его ногой хрустнул, разломив-

шись пополам.

Больше догонять Пименов связующего не пытался.

Мельница

На полу валяются вещи. Старые и новые, из шкафов и грязные, из корзины, целые и разорванные, вперемешку. Осколки посуды, сломанные часы, деньги, много бумажных денег, снятых со счёта. Сергей хотел купить Кате машину. Драгоценности, модные платья, танцевальную студию, миллион алых роз. Всё, что захочет. Но по магазинам она не ходила, а на картинки в интернете равнодушно пожимала плечами. И тогда он принёс деньги в сумке. Пусть смотрит, думает, решает. Простит, наконец, а то он уже порядком устал.

Долгий и тяжёлый день заканчивается глубокой ночью. В гостиной включён телевизор, в ванной капает вода. Катя звонила днём, просила приехать пораньше, и он обещал, но опять не смог. Он проходит на кухню, потом в спальню, заглядывает в шкафы, находит открытые, наполовину пустые чемоданы. Хотела уехать, но передумала. И то хорошо. А проблему он как-нибудь решит. Он привык решать любые проблемы.

С того злополучного конкурса так ничего и не наладилось. Катя перестала танцевать. Говорила – не получается. Как будто кто-то выдернул провод из розетки, и пропал сначала высокий ключ, а сразу за ним – контражур. Лучика не стало, вместо него остался негатив, молчаливая сумрачная фигура с внешностью Кати и пустотой внутри. Где она?

Вода бесшумно переливается через порог открытой двери. Нет ни света, ни отблеска, ни отражения, в темноте ванной комнаты ничего не видно. Нащупывая на стене выключатель, Сергей переступает порог, нога погружается в воду почти по щиколотку, носок и тапок сразу же промокают насквозь.

Щелчок, загорается свет.

В первое мгновение он щурится, ничего не видя, не понимая. Вода обступает его, вязкая, медленная, розово-тёмная. Катя лежит в ванной, в купальнике, по грудь в потемневшей от крови воде. Голова уткнулись в бортик, одна рука свесилась за него, запястья разорваны тупым кухонным ножом в лохмотья, до самого локтя, вдоль. Багровые капли стекают по ладони и с кончиков пальцев падают вниз.

Кап...

Кап...

Кап...

– Лучик...

Очко

– Итак, дамы и господа, мы слышим свисток судьи. Мы видим его появление, а значит, матч состоится! – воодушевленно вещает комментатор. Кроме крупных телеканалов, игру транслируют сразу несколько популярных блогеров, каждый с парой миллионов подписчиков.

– Впервые наша команда вплотную приблизилась к самой верхушке мирового рейтинга, а сегодняшняя победа сделает их абсолютными лидерами!

В этой лиге сборные разных стран не играют между собой. В зачёт идут только победы над потусторонними соперниками, неявка которых засчитывается как техническое поражение команды живых. Поэтому такие матчи играют без замен, с проверенными на сверхъестественную связь игроками, и появление каждого нового спортсмена с нашей стороны – событие.

– И вот сейчас, уважаемые зрители, вас ждёт одно из самых красивейших и загадочных зрелищ: на чужой половине поля один за другим начинают появляться гости с того света!

Объяснения этому феномену найдено так и не было. По слухам, много лет назад, перед началом рядового регионального матча, сломался замок в раздевалке малоизвестной волейбольной команды. Пока игроки искали выход, пытались избежать поражения за неявку, на их половине поля, в по-

рядке номеров, горящих на прозрачной одежде, с правильной волейбольной расстановкой, перед соперниками появились призраки. И судья, недавно попавший в аварию и оказавшийся в коме. Говорят, именно так и состоялся первый матч в лиге.

– Посмотрите, вы только посмотрите на это! А пока десятки камер и программ распознавания лиц пытаются выяснить имена гостей и их прижизненную биографию, я представлю вам нашу сборную.

Комментатор нажимает на кнопку заглушки микрофона и привычным движением, не глядя, за долю секунды делает глоток воды. Все постоянные зрители лиги знают имена членов команды наизусть, но настолько рейтинговый матч смотрят не только они.

– Сегодня за всех нас, живых, играют: центральный блокирующий, он же самый высокий волейболист в команде – Михаил Пименов! Очень опытный игрок, скажу я вам, один из самых опытных в лиге. Доигровщики, фланги нашей команды – Владимир Васильчиков и Николай Михеев! Все трое пришли в лигу из профессионального волейбола, они костяк сборной. Диагональный – Алексей Якушев, настоящий силач, обладатель самого мощного удара с задней линии, которому завидуют профессионалы! Наш оплот и защита, наш либеро, успевающий всегда и везде – Владимир Щагин! Ну и наконец, мозг команды, легендарный связующий, во многом благодаря которому мы все получили воз-

возможность собраться сегодня здесь, на таком представительском, не побоюсь этого слова, матче – Сергей Гусев!

Зал взрывается аплодисментами. Сквозь шум и крики с трудом пробивается звук свистка. Судья, сам почти призрак, но ещё живой, подбрасывает мяч свечой, чтобы разыграть право первой подачи.

– До начала матча есть минутка, и я расскажу вам, друзья, о Сергее Гусеве. Профессионально спортом он не занимался, а был владельцем крупного бизнеса. В один прекрасный момент продал его, нанял сразу несколько тренеров, и вот результат, как говорится, налицо! Успешный человек успешен во всём! Сергей не только стал прекрасным волейболистом со сложным ампула связующего, но и помог своей команде добраться до второго места в мировом рейтинге! Bravo, Сергей!

Свисток. Судья вытягивает левую руку в сторону гостей, открытой ладонью к полю. Почти сразу звучит второй свисток, и та же рука сгибается в локте, указывая в сторону живых. Мяч у соперника, подача разрешена.

– Первый сет начинается! Счёт по-прежнему ноль-ноль! – комментатор снова глотнул воды, не стоило налегать на жареную картошку перед эфиром. – подача гостей, а на подаче у нас... то есть у них... вот мне прислали результаты распознавания... Ого! Сегодня нас ждет увлекательнейшая игра, скажу я вам! Очень захватывающая! На подаче у нас Екатерина Гусева!

Ослепительно-яркий солнечный шар, словно ракета, устремляется в сторону живых. Вот он разрывает пространство над сеткой между антеннами, и белым волейбольным мячом обрушивается в середину поля. Эйс. Свисток. Очко.

– Не могу поверить! Наши ребята словно приросли к полу! Или забыли, для чего вышли к сетке? Никто даже не попытался принять мяч! Похоже, если связующий не справится со своим призраком, команду живых ждёт поражение! Поддержим же Сергея, друзья!

Толпа на трибунах, поколебавшись, начинает скандировать: «Сергей! Стреляй!», «Сергей! Стреляй!». Свисток. Рука судьи снова сгибается, указывая на живых. И опять жёлтый шар с огромной скоростью мчится в их сторону.

– Пименов и Васильчиков пытаются блокировать... мяч проходит встык... отлетает куда-то на заднюю линию... какой хитрый мяч! Щагин молодец! Нырнет под него рыбкой и поднимает вверх! Михеев! Это второе касание! Надо гасить! Якушев!

Свисток. Очко.

– И... мяч уходит в аут. Да... сразу видно, какой силой обладает этот спортсмен.

Трибуны продолжают скандировать имя связующего, до сих пор не сдвинувшегося с места. Откуда-то появляются расписанные вручную маркерами и помадой плакаты с его именем. Свисток. В воздухе жёлтый шар.

– Мяч проходит мимо рук блокирующих! Щагин! Щагин

на приёме! Михеев! Васильчиков! Ну, как говорится, сколько не атакуй, а счёт ноль – три.

Пименов просит у судьи тайм-аут. Со стороны видно, как вся команда собирается вокруг Гусева. О чём говорят, не слышно, только связующий молчит.

Свисток. Тайм-аут окончен. Ещё один светящийся шар, отправленный тем же подающим, с огромной скоростью летит в сторону живых.

– Пименов блокирует! Мяч на половине гостей! Жаль, захлестить не удалось... доигровщики призраков, мы их пока не распознали... удар! Щагин принимает! Пас Сергею! Какую комбинацию он выберет? Да что ж такое?! Это не пас партнёру по команде, это пас кому-то на трибунах, господин Гусев!

Аут. Свисток. Очко. Трибуны ревут. Блогеры взахлёб матерят связующего.

– Пятая подача! Пятая подача подряд у соперника! Но когда-нибудь это должно закончиться? Мяч в воздухе! И... сетка! Сетка приходит на помощь нашей команде... Как бы то ни было, а право подачи наконец-то у нас... Справится ли Сергей? Внимание миллионов болельщиков приковано сейчас к экранам!

Камеры старательно дают крупный план Гусева. Это самое интересное для зрителей. Бледное лицо, сжатые до хруста зубов челюсти. Подающий сейчас сам похож на призрак. Дриблинг затягивается. Свисток. Вытянутую правую руку судья

сгибает в локте, показывая направление в сторону гостей. У связующего восемь секунд, чтобы обвинить в ответ.

Мяч взлетает вверх...

...и падает назад, в зону подачи, откатываясь прочь.

Трибуны взрываются. Гусев валится на пол и бьётся в истерике. Свисток. Судья опускает руку и проводит ладонью снизу вверх, показывая ошибку при подаче. Затем достаёт жёлтую карточку. Команда бросается к своему связующему, собираясь увести его с поля. Сквозь крики и шум, свистки, гудки и ругань, над пятитысячной площадкой повисает вой:

– Ка-аа-а-а-а!

Якушев хватается Гусева под руки, Михеев помогает удерживать. Щагин с Васильчиковым успокаивают, что-то шепчут, похлопывают, даже поглаживают. Пименов пытается переговорить с судьёй, но жёлтая карточка никуда не исчезает. Сергей продолжает вырываться.

– Каа-тя! Катя про-сти-и...

– Нда... – растерявшись в первую секунду, комментатор быстро приходит в себя, – что ж, матч обещал быть интересным и наших ожиданий не обманул. Остаётся позавидовать столь дружеским отношениям в команде. Играя впятером, даже временно, на победу, конечно, рассчитывать трудно. При таком-то сильном сопернике... Эх, а какие были шансы! Но ребята не сдадутся, и будут бороться до конца, я в этом уверен! Шоу продолжается, дамы и господа, шоу продолжается!..